

Бусины

ГОГА

Георгий Жуков

Бусины

«Автор»

2026

Жуков Г.

Бусины / Г. Жуков — «Автор», 2026

Гога живёт как умеет: продаёт водку на вокзале, пьёт, влюбляется, теряет людей, путешествует и постоянно ищет что-то, чему сам не знает названия. Его жизнь состоит из странных встреч, любви, боли, случайностей и снов, которые иногда оказываются слишком похожи на реальность. Каждая встреча оставляет после себя что-то важное — словно бусина нанизывается на невидимую нить. Но кто её держит? И куда ведёт эта нить?

© Жуков Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Крещение	5
Глава 2 Утро	6
Глава 3 Обмен	7
Глава 4 Хряп, Фатер и сон о яме	8
Глава 5 Веня и поездка	9
Глава 6 Лана и Таллян	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Георгий Жуков

Бусины

Глава 1 Крещение

— Нехресть, — бабка ругалась. Хотя нет, бабкой он её называл, когда был маленьким. Сейчас — бабуля. Тогда она ему казалась злой, и ноги у неё были кривые. Мама-то, конечно, была красивей и добрей. Бабуля в детстве иногда называла его нехрестем, когда он хулиганил или капризничал. А сейчас Гога стоял перед входом в церковь и не решался войти.

Было 18 августа, воскресенье.

Наконец он вошёл.

Женщина в чёрном стояла за прилавком — какие-то принадлежности, иконки, свечи. Гога обратился к ней:

— Где здесь эта...

— Чего тебе?

— Где здесь крестят?

— А вона, к батюшке подойди.

Гога направился к батюшке.

— Покреститься...

— Деньги то у тебя есть?

Гога похлопал себя по карманам:

— Нету.

— Ладно. Маня, давай таз, — потом повернулся к Гоге, — пойдём.

Они зашли в какую-то комнату. Прибежала та самая служка с медным тазом, батюшка командует — в тазу уже вода. Батюшка велит Гоге раздеться по пояс. Они втроём ходят по комнате по кругу, батюшка читает какую-то молитву, зевает, перекрещивает рот. Служка рядом бегают. Макают Гогу в таз разными местами. Наконец батюшка объявляет, что Гога теперь христианин, и вручает ему оловянный крестик со шнурком. Гога смиренно его надевает.

Глава 2 Утро

Наутро Гога спросонья ковыряется в пепельнице, но там нет ни одного нормального окурка. Немного подумав, он чешет затылок, снимает крестик, кладёт его на подоконник и выходит в подъезд. Спускается в тапочках до первого этажа, собирая при этом бычки в ладонь. Дома он вытряхивает свою добычу на развёрнутую газету и, взрыхлив пальцами получившуюся массу, принимается крутить самокрутку — козью ногу. Телефонный звонок. Гога, раздражённый, берёт трубку:

— Ты телевизор включал?

Это был Купа, Купец. Неймётся ему в такую рань.

— Нет, а что?

— Включи.

Купа повесил трубку.

Гога докрутил козью ногу, задымил и уже потом включил телевизор. По первому каналу шло «Лебединое озеро». Купа просто так не звонил бы. По второму давали интервью какие-то люди — они были взволнованы и напуганы. Гога стал вникать, оказалось, что в стране военный переворот. «Хрен с ним», — подумал Гога и пошёл готовить себе яичницу. На кухне в углу стояла бутылка водки. Гога планировал продать её вечером на вокзале.

Глава 3 Обмен

На вокзале были неудобные кресла. Гога переворачивался с боку на бок. Бутылка водки была припрятана в рукаве плаща, он ждал поезд. Любой — из Москвы в Среднюю Азию или обратно. Наконец объявили: Павлодар — Москва. Гога по переходам быстро пошёл на третий путь. Было темно, из поезда никто не вышел. Гога шёл вдоль состава и видел вдалеке курящего человека. Он направлялся к нему, держа бутылку за горлышко и за пазухой. Мало ли.

— Водка нужна?

— Не-а, — чувак как-то странно улыбался.

— А чё?

— Давай поменяемся, ща принесу.

Гога напрягся — вообще-то ему деньги были нужны. Парень принёс газетный кулёк и дал Гоге понюхать. Гога догадался, что это. По запаху. Опыта с этим делом он имел мало и не знал, стоит ли оно того.

— Настоящая, из Казахстана, — на Гогу это не произвело никакого впечатления. — Ну и сколько хочешь?

— За бутылку — всё бери.

Гога думал. Бутылку он до утра всё равно не продаст, а новое он всегда любил. Он видел, как эту хреновину забивают в выпотрошенные сигареты и курят наполовину с воздухом.

— Ну давай!

Поезд тронулся. С кулем в кармане Гога пошёл в переход. Там, сделав несложную операцию с сигаретой и новым наполнителем, он приступил к ритуалу — так, как видел до этого. Он ничего не почувствовал. Вообще. Сказав самому себе «ок», он сделал вторую сигарету, выкурил — ничего. Разочарованный, он вынул из пачки последнюю и стал её курить. Его накрыло...

Он стоял в общественном туалете, и ему казалось, что он извивается, как ленточка — такие ещё в детском саду были, на палочках. Гога вдруг представил, что сейчас кто-нибудь войдёт в туалет, а он стоит у стены и извивается, как ленточка. Ему стало смешно, и он согнулся пополам от смеха. Успокоившись, он пошёл в зал ожидания — придётся до утра сидеть, троллейбусы-то не ходят.

В зале был какой-то тонкий звук. Странно, но до этого Гога не обращал на него внимания. Этот звук проходил через Гогину голову, и вдруг он почувствовал удар в затылок. Он обернулся — сзади него был Ленин. Не живой, конечно, — это был памятник, бюст Ленина. Гога повернул голову обратно — опять удар в затылок, опять Ленин. Так он и просидел до утра, оборачиваясь на Ленина.

Глава 4 Хряп, Фатер и сон о яме

У Гоги не было других доходов, кроме как от продажи спиртного на вокзале. Это было стабильно и прибыльно. Купил водку за десять — продал за двадцать рублей. Купил пиво за пятьдесят копеек — продал за рубль. Так что по утрам, когда было не так лень, он просыпался, узнавал у мужиков-соседей, где что продают, брал свою большую сумку черезплечо и скакал галопом — сначала в магазин, потом на вокзал.

Но сегодня утром пришёл Хряп, как всегда со своими идеями. Сначала рассказывает про миллионы, потом курить стреляет. Нужно было что-то придумать. Гога сначала внимательно его слушал, потом молча достал вчерашний куль, выбил из сигареты табак на газету и забил отраву в пустышку. Хряп знал, что это, и сопротивляться не стал. Гога уложил друга на кровать и побежал по своим делам. Прибежав с деньгами, он застал его в том же положении, что и оставил.

Странное дело — на следующее утро в гости пришёл Фатер. Пришлось с ним поступить так же. И так продолжалось несколько дней. Гога уже не помнил, когда к нему приходили друзья, когда он один курил траву, — у него всё смешалось. Друзья рассказывали ему свои «космические» сны, но Гога запомнил только свой сон.

Во сне он не знал, с кем всё происходит — то ли это был сам Гога, то ли кто-то другой. Человек спускался по спирали на дно глубокой ямы. Добравшись до дна, он садился и размышлял о чём-то важном. Когда он смотрел вверх, он видел маленькие точки. Гога стал вглядываться в точки и понял, что это птицы. Они летали и гадили ему на голову.

Глава 5 Веня и поездка

Гога отставил от себя гранёный стакан с половиной портвейна и, сощурившись, смотрел сквозь него на лампочку: "Человек многогранен, и с каждым другим он соприкасается какой-то одной гранью. Другие тоже показывают только одну грань, ту, с которой можно общаться этому человеку. Когда замечаешь другие грани у людей, можно подумать, что они притворяются или лицемерят. Но это просто их другая, неизвестная сторона. Хотя друзья, с которыми общаешься очень долго, уже не неизвестные — ты знаешь их наизусть, как и они тебя. И в этом кайф. Да, когда люди общаются долго, они становятся почти родными", — он допил остатки портвейна.

Веню выперли из политеха после второго семестра, Гогу — после первого. Они были одноклассниками. Встретились в середине лета, разговорились и сошлись на том, что «Роза Мира» — вещь. Добавили три литра пива и решили ехать в Петрозаводск, потому что там в озёрах водятся раки, которые когда-то подавались к царскому столу. Ехать надо, конечно, через Питер — ведь там могила Цоя. К слову, тогда на могиле Цоя ещё даже памятника не было. Там одни панки жили. Сказано — сделано. До Москвы в общем вагоне, до Питера двенадцать часов в сидячем. Естественно, всю дорогу пили. Этот... спирт «Рояль», короче. Сначала разводишь, а потом так. Глотку жгёт, зараза. В Москве сидели на бордюрьчике, пили пиво. Женщина лет шестидесяти, проходившая мимо, заметила: «Чё, черножопик, на солнышке пригрелся?» Гога, если был небрит, и правда смахивал на приезжего из недалёка. А в тот момент он был небрит. Гога хотел было выразить своё возмущение, но баба быстро куда-то смылась, а Гога был глубоко погружён в себя после вчерашнего «Рояля». Веня только усмехнулся.

В Питер приехали вечером и обедали (ужинали), сидя на лавочке, — у каждого в руке бутылка простокваши и половинка батона. Прошёл дождь, для Питера обычное дело, пришлось залезть на скамейку ногами и сесть на спинку этой самой скамейки. Ноги были в грязи. Мимо проходила мадам примерно того же возраста, что они встретили в Москве. Гога напрягся. «Приятного аппетита, мальчики», — она улыбнулась. Гога с Веней извинились, побросали пустые бутылки в урны и пошли прочь. Веня резюмировал: «Питер, ёлы-палы».

К могиле Цоя добирались долго — так, по крайней мере, казалось. Да ещё похмелье это... До метро «Площадь Мужества», мимо каких-то гаражей, которые были исписаны: строчки из песен, «Цой жив», «Витя, мы тебя любим» и тому подобное.

Пришли на кладбище уже совсем в темень. Одни кресты. И похмелье. Мутило. Где-то вдалеке огонёк. Пошли на него. У костра — панки. Гога предложил бутылку «Стругураша» распить (полнейшая гадость) — в сумке специально берёт для этого момента. Панки не отказались. После первых ста грамм Гога взял в руки гитару, хотел исполнить что-нибудь цоевское, но обломался, отдал гитару и подошёл к могиле. Она была вся в свежих цветах и (Гога сначала не понял, что это) фенечках. Он снял свой железный браслет, на котором собирался, но так и не выгравировал группу крови. Повесил на оградку. Спать пошёл на скамейку у чьей-то могилы. Посреди ночи какие-то девчонки его разбудили и попросили прикурить: «Эй, парень, спички есть?» Гога хотел ответить: «Есть», — получилось ужасное: он блеванул. Девушки разбежались. Ему вообще по жизни с девушками не везло. И в этот раз тоже.

До Петрозаводска решили не ехать — далеко. Взяли билеты до Приозерска (очевидно, там должны быть озёра, а в них — раки). Доехали, просидели до утра на полустанке. Такие же бедолаги, как и они, всю ночь распевали под гитару какую-то Калевалу. Утром проснулись, прошли по рельсам метров триста... и решили ехать обратно. Домой.

Глава 6 Лана и Таллян

Гога глядел на красивую (вобщем-то не супер-пупер) девушку на странице газеты. Под фото она кратко рассказывала о себе: пишет картины, сочиняет стихи, занимается йогой. Гога пошёл в редакцию и оставил для девушки письмо — её телефон и адрес ему не дали. Девушка позвонила на следующий день (в письме он оставил свой номер). Её звали Лана.

Встретились у неё дома. В квартире резко пахло — так сразу и не скажешь чем. Благовоения, квас и ещё что-то. Они оказались одного возраста. Возникла химия, Гога это сразу почувствовал. Вообще-то он насчёт йоги... Секс случился в подъезде. Гога не хотел, но желание было непреодолимым. Она улыбалась, вела себя спокойно. Гога тоже улыбался. Химия давала о себе знать.

Она сообщила ему, что замужем, у неё растёт дочка, и ещё... да, у неё есть парень. Она его любит, что ли... Гога плохо соображал. И да, она обещала познакомить их. Кстати, парень — наркоман, и они познакомились в дурке, где она и состоит на учёте. Гога немного погрустнел. Ну ок, разное в жизни бывает.

На следующий день они и встретились. Парня звали Таллян. Он вошёл в комнату — здоровый, с расширенными глазами. Первая его фраза была: «Ты какую музыку слушаешь?» Гога обозначился: старый хард-рок начала семидесятых. Толя был поклонником «Депеш Мод», у него в узких кругах даже кличка была — Мартин. Они с Гогой оказались на одной волне, хоть и музыка разная. Да, Таллян был мажором (простым мажором) — папа там где-то заседал в своё время.

Утром Лана позвонила и сказала, что ночью Толика бабушка сдала на сутки, буянить начал. Пятнадцать суток, точнее. Потом его отправили в больницу с гепатитом. Так он и слез с иголки. Гога с Ланой ходили его навещать. Гога решил, что сексом с Ланой больше заниматься не будет. Вроде пока получалось. С Талляном они вообще скорешились. Ходили по каким-то кладбищам, разговаривали о Вселенной, о женщинах — о чём же ещё.

Толик часто рассказывал о своих бывших. Однажды вечером он привёл в дом Гоги одну из них. У Гоги челюсть отвисла, как в кино. Она была похожа... Никулин в «Бриллиантовой руке» так Светличную описал — «Ша», или что он там произнёс. Длинные белые волосы, такие же длинные белые ноги, и вообще — всё (не длинное белое, а всё!!!). Она стояла и улыбалась. «Знает ведь, какой эффект производит», — Гога подбирал слова. Катюха оказалась простой, своя в доску. С Талляном они попивали боярышник, разбавляя его водой из крана. На третий день их посещения Катюха сказала Толику: «Ты иди, я здесь останусь». У Талляна был вид... как у брошенного пса.

Первое, что сделала Катюха, когда они остались вдвоём, — она показала Гоге свою задницу. На копчике красовалась наколка в виде змейки. Гога отметил её сходство с породистой лошастью. Катюха стояла изогнувшись. Она немного повернула голову, скосила на Гогу левый глаз, чтобы узнать, какое впечатление она на него производит, её хвост на затылке шевельнулся, и эффект только усилился. Гога смотрел не отводя взгляда. Минуты через две она спросила своими красивыми губами: «Ну как?» — «Здорово», — промямлил Гога. Что сказать, он сдался. Партизаны, конечно, не сдаются, но здесь была полная... безвыходность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.